

«Рыбаки: История Леви»
Серия «Дикие времена» №2,5
Кристина Лорен

Аннотация:

Роман о втором шансе. Теперь пришла очередь услышать историю о любви Леви, брата Финна Робертса из «Грязной буйной штучки».

Переводчик – Наталья Эсаулова
Оформление – Анастасия Конотоп и Наталия Павлова

Глава 1

Леви

Это странное чувство, когда каждый крошечный момент твоей жизни документируется.

Конечно, я уже должен был привыкнуть к этому: осенью прошлого года съемочная группа переехала на большую из двух наших лодок – Линду – и, кроме пары драгоценных мгновений, которые мы ежедневно проводим в ванной, с тех пор едва отходила от нас.

Не так уж и много других мест, куда им закрыт доступ. «Рыбаки» выходят каждый четверг в прайм-тайме на The Adventure Channel и ведут хронику моей жизни и жизни двух моих старших братьев, пока мы рыбачим вдоль северо-западного побережья Тихого океана, проводим свободное время в местных барах и стараемся не выглядеть полными придурками на национальном телевидении.

Постоянное присутствие операторов и микрофонов – вот причина, по которой, когда я выхожу из крошечной раздвижной двери из ванной в спальню, которую я делю с Финном и Колтоном, я надеваю полотенце. Дейв стоит, корректируя настройки на своей камере для приглушенного света. Эллис наблюдает за ним, ожидая зеленого света.

Колтон что-то бормочет, а затем ворчит, когда полностью просыпается. Сейчас три часа ночи, и Дэйв разбудил нас на полчаса раньше, когда тащил коробку с оборудованием по узким ступенькам на палубу. Разумеется, Колт не может жаловаться на камеру, поэтому он устался на пол, всем своим видом выражая раздражение.

Я пытаюсь маневрировать среди экипажа, пока собираю свою одежду и направляюсь в ванную, чтобы одеться. Когда они не снимают, мы находимся на лодке по двенадцать, а порой и по пятнадцать часов, а затем возвращаемся на землю, домой в свои собственные постели. Что предпочтительнее всего. Но нашему продюсеру, Мэтту Стивенсону–Джону, нравится «взаимодействие братьев на лодке», что, на мой взгляд, означает, что он любит, когда мы на ножах. Таким образом, когда съемочная группа здесь, мы втроем остаемся на

целую неделю в тесных спальнях каютах Линды. Колтон ноет по поводу каждой гребаной ерунды, а Финн мечтает убить нас уже после первых двух ночей.

Самое худшее из всего – сейчас мы не выходим на открытую воду; мы все еще пришвартованы в ожидании отгрузки пиломатериала, который необходим для ремонта пары внутренних стен. Жизнь рыбака чаще всего включает в себя больше техобслуживания, чем реального промысла.

Как и сегодня. Пока мы делаем ремонт, Голливуд будет снимать дополнительный материал, который в сочетании с проникновенной музыкой или повествованием на заднем плане будет призван создать необходимое впечатление о непростой жизни, которую мы здесь ведем, или покажет фрагменты нашего заслуженного отдыха с «местными» (типа моделями, прилетевшими из Ванкувера). Если и существует вещь, которую я хорошо усвоил к этому времени, так это то, что съемки «без рубашки» определенно превосходят все остальное. Мне бы хотелось притвориться, что главная цель шоу – показать непростую жизнь современного рыбака, меняющуюся среду и нашу непрерывную борьбу, чтобы идти в ногу со всем этим, но, как любит повторять моя невестка Харлоу, – это шоу на самом деле лишь о сладких парнях.

И делает она это всеми возможными способами, например, отправляет нам мемы, гифки, а однажды даже прислала уведомление с хэштегом #топлесчетврег, набирающее популярность в Твиттере.

Это сводит Финна с ума, но, честно говоря, меня это не слишком беспокоит. Шоу – единственная причина, по которой у нас все еще есть лодка, и причина, по которой мы все еще находимся на воде. Без него мы потеряли бы все, и жизнь, которую я знал, – вместе с компанией, которую создал мой дед, – исчезла бы навсегда. Рыбалка в этих водах – уже не та, что была во времена моего прапрадеда. Теперь стало больше конкурентов и меньше рыбы. Обстоятельства играют против всех нас. И раз уж у меня есть возможность выходить в море, кого волнует, направлена ли на меня в этот момент съемочная камера?

Холодный воздух встречает меня, когда я поднимаюсь на палубу. Я слышу Финна еще до того, как вижу, он уже орет, отдавая указания Колтону, пока они пытаются распутать сеть, которая зацепилась за какие-то обломки.

– Иди сюда, посмотри на него, – говорит Колтон, его непослушные волосы спрятаны под шерстяной шапкой. На его лице все еще виден отпечаток подушки, когда он исподлобья смотрит на веревку, которую пытается связать. – Думает, что наконец-то нашел на кого наорать.

Я смотрю мимо них на упаковки с древесиной на старом причале.

– Здесь все?

– Да, доставили около часа назад. – Колтон поднимает глаза. – Дождь собирается. Пожалуй, нужно перенести это все на борт и накрыть, прежде чем он начнется.

Я слежу за его взглядом туда, где должно быть солнце, но вдалеке нет ничего, кроме серого неба и хмурых туч.

– Давайте работать.

Я стою на палубе, наблюдая, как оператор подъемного крана поднимает пиломатериалы, и машина движется в моем направлении.

– Полегче, – кричу я, указывая ему направление, следя за нижней частью груза, пока она раскачивается в воздухе. Сейчас стало даже темнее; надвигающийся шторм отражается в серых волнах, когда они разбиваются о корпус судна. Температура продолжает падать, воздух пахнет сосной и солью, когда ветер поднимается, развевая нашу одежду и толкая Линду к причалу.

– Немного выше. – Я отклонился назад, пытаюсь разглядеть наличие преград. – Еще немного...

Краем глаза я вижу, как движется камера и на долю секунды, я отрываю взгляд от крана. И в этот момент все и происходит. Волосы оператора поднимаются вверх, когда ветер проносится через гавань, и все переворачивается. Две доски выскальзывают из упаковки и падают на палубу с громким треском, часть одной доски от удара откалывается и рикошетом летит прямо на меня.

Меня с силой отбрасывает назад.

Я слышу голоса Финна и Колтона – они бегут и кричат – прежде чем я понимаю, что произошло. Что-то теплое течет вдоль моей ноги, и когда я пытаюсь сесть, я вижу двухфутовый осколок деревянной доски, проходящий сквозь мои штаны прямо в центр бедра.

Глава 2

Когда я снова открываю глаза, все вокруг как в тумане.

– С возвращением, – говорит Колтон. Его пальцы кажутся холодными в сравнении с моей рукой. – Я должен был догадаться, что ты попытаешься откосить от работы.

– Святые угодники. – У меня пересохло в горле, и голос хрипит. Когда я пытаюсь сесть, то обнаруживаю, что привязан к кровати дюжиной разных трубочек и шнуров. Моя нога как будто горит. Мне больно.

Финн оставляет группу мужчин, с которыми он разговаривал, и подходит, чтобы встать возле меня с другой стороны.

– Если тебе захотелось вздремнуть, мог бы просто попросить.

Внезапно рядом со мной появляется врач.

– Как чувствуешь себя, Леви?

Такое ощущение, что у меня в горле битое стекло и наждачная бумага.

– Бывало и лучше.

– У тебя довольно неприятная травма. Мы смогли вытащить большую часть осколков, но из-за характера повреждения и химических веществ, используемых при обработке пиломатериала, мы пока не можем тебя зашить.

Я смотрю на группу мужчин в углу, включая Мэтта и другого продюсера, Джайлса Манчего. Паника сжимает мой желудок. Хотя первый сезон только набирает обороты, мы едва приступили к съемкам второго, я знаю, что контракт может быть расторгнут в любой момент, если мы будем не в состоянии выполнять наши привычные обязательства.

Такие, как например, рыбалка.

Финн правильно считывает мое выражение и сжимает мою руку.

– Все в порядке, Ли, – тихо говорит он. – Не думаю, что они признают это, но им, черт возьми, это понравилось. Они все сняли на камеру. – Он тянется к моим повязкам. – Что-то подсказывает мне, что они собираются навариться на этом.

Я игнорирую его.

– Что мне нужно сделать, чтобы вернуться на лодку? – Теперь мой голос стал увереннее, и я толкаю его локтем.

Финн и Колтон переглядываются, прежде чем присоединиться к продюсерам.

– У меня было предчувствие, что ты скажешь это, – говорит Джайлс, довольный. – Мы предлагаем компромисс. Если, конечно, ты на него согласишься.

– Хорошо, – осторожно говорю я. Челюсть Финна напрягается, и я знаю его достаточно хорошо, чтобы понимать: какова бы ни была идея – она ему не нравится, но это не значит, что он скажет «нет». Колтон, с другой стороны, выглядит так, будто собирается засмеяться.

– Мы разрешим тебе вернуться на лодку на следующей неделе, при условии, что вы возьмете на борт медсестру, – говорит Мэтт, – и сообщает эту новость без намека на веселье.

Медсестра на Линде, ухаживающая за моей травмой, пока будут снимать допматериал о Финне и Колтоне, закидывающих сети и меняющих проводку?

Какого черта?

– Медсестру? – Повторяю я.

Мэтт кивает. Колтон больше не может сдерживать смех, и неконтролируемые смешки вырываются из него, прежде чем он успевает закрыть рот кулаком, имитируя кашель:

– Обтирание губкой, чувак.

– Я все еще думаю, что это плохая идея, – рычит Финн. – Слишком, блядь, поспешная.

– Мы понимаем, что это не идеальный вариант, но мы уже составили расписание водной бригады для съемок на палубе в течение следующих двух недель, – говорит ему Мэтт. – Мы не можем запросто изменить график съемок, ребята.

– И как только мы отчалим, Леви не захочет оставаться дома, за бортом, – объясняет Джэйлс.

Я киваю.

– Так и есть, но ...

Мэтт кладет руку мне на плечо.

– Никаких «но». Без медицинского персонала, наблюдающего за твоей травмой, студийные юристы не позволят тебе и шагу ступить от причала. Это решение удовлетворит всех.

– И поднимет рейтинги, – говорит Финн, глядя на них. – Давайте уже называть вещи своими именами.

– Ты прав, – говорит Мэтт, кивая. – Это телевидение. Возникла сложность, но давайте по крайней мере заставим ее работать на нас. Зрители хотят видеть Леви. Потому что, да, если быть честным, снимать его безысходность – это отличный ход. – Он смотрит на меня, извиняясь. – Ладно? Она будет находится на лодке съемочной группы. И будет подниматься на Линду только, чтобы осмотреть тебя.

Никто из нас не стал спорить.

Финн поднимает подбородок.

– Почему у меня такое чувство, что у тебя уже есть кто-то на примете?

Рот Мэтта изогнулся в улыбке.

– Есть несколько вариантов. Будем держать вас в курсе.

Глава 3

Существует больше сотни способов так или иначе погибнуть на рыболовном судне. Раскачивающиеся над головой доски, леска и сети, развешанные повсюду, суровая океанская качка, и – даже во время троллинга – движение со скоростью до восьми узлов.

Добавьте к этому горящую огнем ногу, обезболивающие и пару костылей, и это – гарантированная катастрофа. Но очевидно, что продюсеры реалити-шоу видят в этом благодатную почву для манипуляций – опасность для жизни на большой воде – и вот уже через шесть дней после инцидента я в порту, следуя за своими братьями и экипажем на лодку.

– Ты уверен, что справишься? – Финн спрашивает примерно в десятый раз с тех пор, как забрал меня.

Как младший брат, я не удивлен, что Финн так опекает меня, но я все еще хочу столкнуться с причалом.

– Может, хватит уже? – Я рычу, и он стреляет в меня непроницаемым, заботливым взглядом.

Бет, наш директор, останавливает нас, прежде чем мы успеваем подняться на борт и смотрит в свой планшет.

– Сегодня нам нужно отснять ... – она переворачивает верхнюю страницу и затем опускает ее, – десять роликов.

Звукооператор подходит ко мне, закрепляя беспроводной микрофон, скрытый в моей куртке.

– Мы отчалим, как только все загрузятся и наденут микрофоны, – говорит Бет, кивая Эшли, личному помощнику, чтобы та поднималась на борт Ленни Лу – судна, на котором расположилась съемочная бригада, и на котором находятся все звуковое, съемочное и микшерное оборудование. Они должны быть как можно более незаметными, но на самом деле у них это получается не очень хорошо.

Глядя на Финна, Бет говорит:

– Эмми сегодня поедет с вами, ребята.

– Эмми? – говорит Финн, а затем поворачивается, чтобы посмотреть за меня. Заботливая мина старшего братца на мгновение исчезает, и с его губ слетает резкий смешок. – Вы, блядь, только взгляните на это.

Как я мог забыть о медсестре? Мы оборачиваемся, чтобы увидеть женщину вдалеке, уверенно направляющуюся к нам. Я с облегчением замечаю, что она одета в джинсы, ботинки и большую лыжную куртку, а не в крошечное белое платье и шапочку медсестры.

Но разрази меня гром, если мою грудь не сдавило от одного лишь ее вида.

Эмми Льюис.

Знакомая боль оседает в моей груди, когда я вспоминаю о том, как я был в нее влюблен. Это было мило в двенадцать, отчаянно в пятнадцать, и крайне болезненно, когда нам исполнилось семнадцать, и я до сих пор не набрался смелости, чтобы рассказать ей о своих чувствах.

Чертов Мэтт, чертов Джайлс.

Я обращаюсь к Мэтту, мой пульс зашкаливает.

– Это шутка? Она ведь не моя медсестра, правда?

– Конечно, она – твоя медсестра. – Он раскачивается на пятках. – Дипломированная медицинская сестра. Мы позаимствовали ее в Маунт Сент Мэри в Виктории. – Я вижу восторг в его глазах. Он сорвал джэппот. – Запрыгивайте на борт и держите камеры наготове.

Так они смогут снять, как она поднимается на лодку.

Потому что прямо сейчас они снимают мою реакцию, и я слишком ошеломлен, чтобы скрывать ее.

Я разворачиваюсь, позволяя Колтону помочь мне подняться по лестнице.

– Ты знал? – спрашиваю я неслышно.

– Неа.

Я рычу.

– Как, черт возьми, они узнали о ней? Я никогда никому не рассказывал.

– Я думаю, точно так же, как они узнали, что Элиза захочет отомстить за вещи, которые произошли десять лет назад, и что Тифф выйдет из себя перед камерой в порыве ревности.

Это почти заставило меня засмеяться. Драмы Колтона со всеми женщинами, которых он меняет как перчатки, удерживают наши рейтинги в лидерах эфирного времени.

– Но, честно говоря, Ли, ты никогда особо не скрывал этого, – добавляет он. – Бьюсь об заклад, что даже папа знал.

– Но ты не говорил им? – спрашиваю я.

– Конечно, нет.

Я смотрю ему в глаза, понимая, что он говорит правду.

– Все будет хорошо? – спрашивает он меня тихо.

– Все будет просто зашибись, когда мне придется снимать штаны и позволять Эмми Льюис проверять мое бедро в паре сантиметров от моего члена каждый гребанный день в течение недели!

– Наверняка, даже чаще, чем один раз в день. – Он смеется, качает головой и помогает мне встать на костыли, когда мы оказываемся на палубе. – Я ни хрена не знаю, Леви. Все это похоже на проклятые американские горки.

Мы выстраиваемся на палубе, камеры движутся, когда мы притворяемся, что заканчиваем необходимые приготовления, прежде чем сможем отшвартоваться.

Эмми поднимается на борт – такая чертовски красивая. Ее глаза широко распахнуты, она немного напугана, и мне интересно, чувствует ли она то же, что и я в первый раз, когда я был окружен всеми этими людьми, их камерами и микрофонами, которые мне было сказано игнорировать.

– Привет, ребята, – говорит она.

Мы все говорим приветствия – с высокой степенью энтузиазма (Колтон) и осторожностью (Финн). У меня выходит нечто среднее, но внутри я чувствую нарастающую тревогу.

Я уже вижу это, идет эпизод, ее имя появляется на экране – Эмми Л. – и, ниже, немного информации о ней. Медсестра из больницы «Маунт Сент Мэри», штат Виктория. Интересно, придется ли им добавлять, что это – девушка, участвовавшая в большинстве подростковых фантазий Леви, или выражение моего лица скажет само за себя?

Потому что я точно знаю, что это написано у меня на лбу. Ее волосы стали длиннее, чем были в школе, стянутые в гладкий конский хвост, который доставал до середины спины. Ее карие глаза округлились от напряжения, щеки покраснелись от ветра. Черт, этот рот. Готов поспорить, что знаю этот рот лучше, чем свой собственный. Слишком много косметики, чем я когда-либо видел на ней, но я подозреваю, что это – дело рук продюсеров, и ничего из этого она никогда не сделала бы сама. Эмми никогда не была такой девушкой.

Она всегда была тихой, но в отличие от меня – неуклюжего и долговязого с первых же дней – красота Эмми облегчила ей задачу в выборе того, чего она хотела получить от школьной жизни, не прилагая для этого особых усилий. Я бы сказал, что каждый парень в школе был влюблен в нее. Но за исключением Джексона МакДэниела в течение большей части младшего класса, я никогда не видел ее ни с кем. Ее отец был директором нашей средней школы; ее мама управляла местным цветочным магазином в Бамфилде. Две старшие сестры уехали, как только закончили школу, но что-то в Эмми говорило мне, что она всегда будет поблизости. Я всегда знал, что ей нравится спокойствие Бамфилда и умиротворение Баркли-Саунда.

И я был прав, потому как она здесь.

– Эй, – говорит она мне, подходя. Ветер задувает пряди из ее хвоста на лицо, и я уже почти протянул руку, чтобы помочь ей убрать их от ее блеска для губ. Я уверен, что камера засняла небольшое движение моей руки, и то, как мои глаза сфокусировались на ее губах. Она гримасничает, освобождая свои волосы. – Ах.

– Эй, Эмми, – говорю я, пожимая ей руку. Мои ноги подкосились, но это никак не связано со швами на моем бедре.

Она моргает, ее щеки вспыхивают еще сильнее.

– Ты помнишь, как меня зовут?

– Конечно, помню. – Может ли микрофон передавать звук моего грохочущего сердца? – Значит, ты здесь, чтобы присматривать за мной?

Она улыбается, показывая крошечную ямочку в левой щеке.

– Надеюсь, все в порядке.

Она, блядь, шутит?

– Да, я думаю, что справлюсь с этим. – Даже если не смогу справиться с этой своей предательской улыбкой.

Финн прочищает горло.

– Может быть, вам двоим стоит ... – Он машет в сторону каюты, где стоят койки, позволяя его словам повиснуть в воздухе.

– Что? – спрашиваю я.

Он сужает глаза и поясняет:

– Пусть она осмотрит твою ногу, прежде чем мы отшвартуемся, тупица. Нам нужно добро от твоей медсестры.

– А, – говорю я, – во рту пересохло. – Правильно.

– Бога ради, – рычит Финн, а затем поворачивается, направляясь к корме, чтобы отвязать веревки.

Поворачиваясь к Эмми, я чувствую пристальное внимание камеры, направленной на нас, вижу темную тень микрофона в дюйме от ее лица.

– Возможно, ты хочешь сходить на камбуз, чтобы осмотреться?

Она сглотнула, быстро кивая.

– Конечно.

Эмми ждет, пока я спускаюсь вниз по лестнице.

Я смотрю на нее через плечо.

– Куда хочешь пойти?

Она задумывается.

– Может, в спальню? В ванную комнату? – Понижая голос, как будто он не попадет в кадр, она шепчет: – Мы можем пойти и на кухню, просто я не знаю, хочешь ли ты пойти туда, куда они смогут проследовать за нами. Так как тебе придется ... э-э ... – Она пробегается взглядом по моим штанам, и я понимаю, что она имеет в виду: мне придется их снять.

По правде говоря, неважно, куда мы идем. Камеры здесь повсюду.

Я одариваю ее улыбкой, которая должна выглядеть обнадеживающе.

– Все в порядке, давай просто зайдем сюда.

Она следует за мной на камбуз, через спальню и в уборную. Ванная комната маленькая сама по себе, но с нами двумя внутри, и камерой, загораживающей дверной проем, она кажется крохотной. На удивление, в ней хороший свет, здесь чисто, и есть проточная вода, которая явно нужна Эмми, так как она помогает мне сесть, моет руки и начинает распаковывать свою аптечку на стойке.

– Ты все еще живешь здесь? – говорю я, осторожно опускаясь на сидение унитаза.

– Я уехала после школы, но вскоре вернулась ближе к Виктории, когда мой отец заболел. Мне нужно, чтобы ты ...

Я слежу за ее взглядом и понимаю, что она имеет в виду.

– О, точно, – говорю я, и начинаю расстегивать ремень.

– Давай я помогу тебе.

Когда она касается моих штанов, я качаю головой, вспоминая о повязке, когда спускаю ткань штанов со своих бедер.

– Твой отец болен? – спрашиваю я, чувствуя жар на своей шее, на лице, когда сижу перед ней в одних боксерах, со спущенными до лодыжек штанами и камерами, снующими вдоль и поперек.

Она надевает резиновые перчатки и – действие, которое несколько не облегчает моей участи – становится передо мной на колени.

– Рак, – говорит она. – В печени. Я вернулась, когда он заболел. – Она снимает колпачок с флакона с антисептиком и открывает новый рулон бинтов. – Мама на некоторое время перевезла его поближе ко мне, в Викторину. Я работала ночами на скорой помощи, поэтому имела возможность заботиться о нем в течение дня. Он умер около года назад.

Я мысленно перенесся на год назад. Честно говоря, кажется, что прошла вечность. Это было примерно в то же время, когда у нас начались трудности. Деньги закончились, и все, что могло выйти из строя на лодке, сломалось. Финн смотался в Сан-Диего, а Колтон и я едва успели покинуть лодку. – Мне очень жаль, Эмми. Я не слышал об этом.

– Все нормально.

– Он был хорошим человеком, – добавляю я.

– Спасибо, это – правда, – тихо говорит она. – Но да, он был болен. И сейчас ему лучше. Звучит ужасно, правда?

Я качаю головой, глядя ей в лицо. Я никогда не был так физически близок к ней.

– Так больно? – спрашивает она, прижимая пальцы к коже вокруг повязки.

Я едва могу дышать.

– Нет.

Она кивает, шепча:

– Хорошо, – она проверяет другие точки ближе к ране, вероятно, на наличие чувствительности.

– Моя мама умерла от рака груди, когда мне было четыре года, – говорю я после недолгого молчания. – Но я не помню ничего из этого. Думаю, мне было легче, чем моим братьям или отцу. Думаю, это трудно потерять кого-то, кого ты знал всю свою жизнь.

– Да, – говорит она и смотрит на меня с робкой, благодарной улыбкой. – Благодарю. Знаешь, я видела тебя несколько раз. На съемках.

– Правда?

Она начинает развязывать повязку, и я пытаюсь заставить себя не думать о том, как она смотрится на коленях передо мной, или сколько раз я представлял себе это. Боже правый, я бы запросто поменялся с ней местами.

Она разматывает ленту и начинает осторожно снимать повязку.

– На причале с твоими братьями. И один раз на лодке, когда мама услышала, что вы, ребята, пришвартовались.

– Почему ты не поздоровалась? – спрашиваю я. Мы нарушаем правила, запрещающие говорить о шоу, – такое себе напоминание о том, что мы на телевидении, – слишком режет слух продюсерам, и, как правило, они вырезают это. Но мне нравится, что она меня искала.

Все это – каждая секунда – кажется нереальным.

– Не знаю, – признается она. – Думаю, я не была уверена, что ты вспомнишь, кто я.

– Думаешь, я не запомнил тебя? – Говорю я, надеясь, что она не заметит неловкого акцента.

Она кивает, извлекая марлю из раны, и я задерживаю дыхание.

– Извини, – говорит она, морщась. – Я знаю, что это больно. Но я должна промыть и продезинфицировать ее.

– Все в порядке, – говорю я ей. – Делай, что необходимо.

Я наблюдаю за тем, как она промывает рану, не сводя глаз с ее лица, а не с огромной дырки в своей ноге. Травма, похоже, несколько не смущает ее; она работает очень деликатно и тщательно.

Мы отсняли семнадцать эпизодов, и я знаю, что продюсеры хотят увидеть что-то из моих часов досуга – что-то личное. Финн и Харлоу строят свою семью и живут на два дома, и публика обожает их страсть и юмор. Колтон спит – и неизбежно расстается – с каждой красивой девушкой, которая ему встречается, и зрители в восторге от этого. Мэтт и Джайлс отправляли моделей, чтобы познакомиться со мной, и пытались заставить нескольких симпатичных девушек из города ошиваться вокруг Причала, пока идут съемки, но, к их большому разочарованию, ничего не происходило. Несколько девушек, которые меня привлекли, казались мне более заинтересованными в окружающих их камерах, нежели во мне самом.

Я смотрю на Эмми, которая всего в нескольких дюймах от меня, изучаю изгиб ее губ, ровный угол ее скул. Ее лицо такое родное, и меня словно пронзает какая-то струна. Мои братья думают, что я 24-летний девственник, и хотя это неправда, у меня нет сотен зарубок на моей прикроватной тумбочке.

Думаю, я не играю в эти игры.

Но вдруг меня осеняет. А что, если это тоже игра, как и все остальное? Сколько они заплатили Эмми, чтобы она была здесь? Что они ей пообещали?

Она моргает, когда завязывает последний моток бинта и с гордостью улыбается.

– Готово.

– Благодарю.

Она помогает мне встать, и в таком маленьком пространстве, обстановка кажется еще более интимной. Я всегда был высоким, но после средней школы вырос еще больше. Эмми тоже не маленькая, но едва достает мне до подбородка, и теперь нас разделяет лишь небольшое пространство между нами. Я чувствую тепло ее тела, чувствую запах ее шампуня.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

Я сглатываю.

– Да.

– На что ты ... – говорит она, хихикая, и касается своего лица. – ... смотришь.

Я моргаю. Я не могу выйти из ванной, пока работает камера, затем Эмми поворачивается, и я оказываюсь в ловушке. Но, черт возьми, последнее, что я хочу сделать, это заставить ее испытывать неловкость.

– Прости.

Ее пальцы касаются моих.

– Все нормально. Я не жалуюсь.

Мы так близко, и она здесь. Мой мозг затуманен.

Слова срываются, прежде чем я успеваю подумать:

– Я был влюблен в тебя.

Ее глаза широко раскрываются в искреннем удивлении.

– Ты – что?

– Да. Я ... – Я смущенно смотрю вниз. – Я всю свою жизнь думал о том, каково это – признаться тебе в этом. Но я никогда не думал, что вокруг будут камеры, когда я это сделаю.

Я пытаюсь улыбнуться, и понять, что же будет дальше.

– Поэтому, если ты здесь ради денег, Эмми, или чтобы закрутить со мной ... просто, поаккуратней, хорошо?

Я поднимаю подбородок к оператору, Дейву, молча давая ему понять, что мы закончили.

Глава 4

Финн ловит мой взгляд, когда я поднимаюсь на палубу, и я читаю вопрос в его глазах:

– Все в порядке?

Вопрос риторический; он достаточно хорошо знает меня, чтобы понять, что я не в восторге от всей этой ситуации. Я стал гиперчувствительным касаясь всех взаимодействий, которые у меня были с тех пор, как началось шоу: местные жители, которые внезапно становились моими лучшими друзьями, девушки из города, которые никогда раньше не замечали меня, звонки от дальних родственников, от которых мы ничего не слышали годами. Все это было довольно очевидно; Я знал, что произойдет нечто подобное.

Но вся эта ситуация с Эмми похожа на удар ниже пояса: пригласить человека, к которому я испытывал настоящие чувства, чтобы подыграть мне ради рейтингов?

Я прохожу мимо Финна на своих костылях, внутренне разрываясь на части, осознавая, что в данный момент ничто не поможет мне лучше, чем тяжелый физический труд. Но вместо этого мои варианты ограничены починкой электрошита или сидением на палубе с книгой, пока мои братья машут своими задницами перед камерами.

Кивнув одному из членов экипажа, что мне нужны инструменты, я захожу в диспетчерскую и беру стул. Думаю, теперь я – судозащитник.

Финн и Колт стараются держаться от меня подальше. Я знаю, мы поговорим позже. Я не знаю, когда Эмми поднялась наверх, чтобы отправиться на судно экипажа, но когда мы выходим в открытое море, она уже на Ленни Лу позади нас вместе с экипажем.

В этот вечер внизу были прекрасные сорок пять минут тишины, когда мы ели наш ужин, пока кое-кто не нарушил молчание.

Я могу сказать, что это убивает Колтона, но на этот раз он держит свои мысли при себе и оставляет меня в покое. Наконец, Финн вытирает рот, кладет салфетку на стол и откидывается назад, глядя на меня.

— Как все прошло?

Я киваю, кладя в рот еще одну ложку консервированной фасоли, прежде чем ответить. Съёмочная бригада ждала этого разговора весь день.

— Нормально, — говорю я.

Финн кивает в ответ, пытаюсь найти лучший способ обсудить это, не затрагивая меня слишком сильно.

— Она работает в «Маунт Сент Мэри»?

Я делаю глоток пива.

— Да.

— Должно быть, странно видеть ее, — говорит он, и когда я смотрю на него, его взгляд напряжен. Блядь. Я знаю это выражение. Его заставили начать этот разговор, и его это бесит почти так же, как и меня.

Большинство вещей, которые мы должны были делать в процессе шоу, были простыми. Починить лодку за их счет? Нет проблем! Дополнительные оплачиваемые выходные без выхода в море? Пожалуйста! Но все эти социальные вещи — сердце проекта, и мы прекрасно знаем, что это полный отстой. Зрители наблюдали, как наш папа боролся с последствиями инсульта, который случился более десяти лет назад; они наблюдали, как Харлоу и Финн пытаются построить отношения на расстоянии и посреди всего этого безумия. Им нужна опасность и восторг жизни в океане, но им также интересны и реальные вещи. К сожалению, братья Робертс не слишком болтливы.

— Да, это было странно, — говорю я и к черту все. Может просто рассказать все, как есть? Все равно ее не будет рядом, когда это покажут. — Она — единственная девушка, которая мне когда-либо так нравилась, понимаешь? Но теперь, когда люди говорят о нас, все по-другому.

— Да, — говорит Финн.

— И одно дело, если это Мелли из бара, или Дастин, который звонит поболтать после того, как мы не видели его семь лет. Я сделал еще один большой глоток пива, прежде чем закончить свою мысль. — Но приглашать на шоу кого-то, кто нравился мне всю мою жизнь... у меня определенно возникают трудности с доверием.

— Ну, — говорит Колтон, наклоняясь. — Посмотри на это так: если она рядом, только когда вокруг камеры, — то все понятно.

Он прав.

— Просто позволь ей делать свою работу, — тихо говорит Финн. — Того, как вы смотрите друг на друга, вполне достаточно, чтобы Мэтт и Джайлс прыгали от счастья. Тебе больше ничего не нужно делать.

Дэйв раздраженно хмыкает из-за своей камеры. Это придется вырезать. Ну и хер с ним. Я чувствую себя в миллион раз лучше, просто немного поговорив об этом.

Эмми приходит на следующее утро со своей маленькой сумочкой и неуверенной улыбкой. Черт возьми, она такая милая. Я хочу, чтобы меня раздражало ее присутствие, но это просто невозможно. Это не ее вина, что мы согласились участвовать в этом шоу, и что оно сделало меня параноиком относительно намерений людей.

И хотя я знаю, да, ей должно быть в новинку находиться здесь, но я все еще побаиваюсь оставаться с ней наедине после моей вчерашней исповеди. Поэтому я снимаю штаны прямо в диспетчерской, на виду у всех.

Колт присвистывает, опираясь на рычаг, который поднимает нашу самую большую сеть.

– Как непристойно.

Эмми краснеет, но начинает работать.

– По-прежнему не больно? – снова спрашивает она, нажимая вокруг края повязки.

– Нет.

– Покраснений нет, так что это хороший знак, – говорит она. Я могу только кивать, не зная, что еще сказать.

Ее руки аккуратны и компетентны. И пока она снимает повязку и заботится обо мне, она заполняет пространство, спрашивает о моих братьях и о рыбалке, ни разу не затронув того, что я сказал.

Неделя. Целая неделя с Эмми, каждый день. Поначалу все было немного неестественно, но что поделаешь? Эмми приходит пару раз в день, меняет повязку, а затем исчезает, таким образом, камеры могут снимать свой любимый дополнительный материал «топлес» и делать фотографии в стиле Леви–терпеть–не–может–сидеть–неподвижно. Когда донная сеть приземляется на борт, и из нее выпрыгивает несколько рыб, У Колтона появляется лишняя пара рук и он занимает мое место. Сеть зацепилась по пути, и я не успеваю достаточно быстро добраться до нее, прежде чем она рвется. Но когда Финн спотыкается об один из моих костылей и настаивает, что пришло время, чтобы Эмми снова осмотрела мою ногу, я выхожу из себя и бросаю моток электрического провода за борт – к большому удовольствию наших продюсеров, которые успевают запечатлеть все это на пленку.

Она остается в стороне, осторожно дает мне необходимое пространство, но я начинаю с нетерпением ждать наших встреч. Я расспрашиваю ее о школе в Орегоне, и она рассказывает мне о том, как присоединилась к женской команде по гребле. И я вижу это% силу в ее плечах, ее спине. Она спрашивает меня о моем отце, и я говорю ей, что ему теперь лучше, но не настолько хорошо, как раньше.

Она заполняет тишину тихими словами; она не хвастается, но и не скромничает. Это цинично, но я пытаюсь понять, смотрит ли она в камеру или поворачивается телом, чтобы так или иначе попасть в кадр, но кажется, что она никогда этого не делает.

Я не хочу, чтобы она мне нравилась, но все труднее и труднее вспомнить почему.

Через шесть дней после того, как Эмми впервые появилась на борту, мы, наконец, вернулись в порт. Финн, Колтон и съемочная бригада свободны на всю ночь, что означает пиво, орешки и грубые шутки в порту.

Я просто выхожу из душа, моя нога обмотана пленкой на уровне бедра, когда я слышу чьи-то шаги наверху. Сейчас уже больше восьми; все, кто мог бы здесь оказаться, должны были уйти еще час назад. Когда я проверяю свой телефон, то не вижу пропущенных звонков.

У нас есть члены экипажа, которые постоянно присматривают за лодками. Главным образом потому, что всегда есть кто-то, кто возится с оборудованием на Ленни Лу или спит на лодке, когда мы в порту. Но даже несмотря на то, что на Линде нет ничего особо ценного, это не останавливает местных детей проникать на борт и делать фотографии, которыми они смогут поделиться со своими друзьями или выставить в Интернете.

Не без труда я поднимаюсь по ступенькам и кричу:

– Кто здесь?

Когда никто не отвечает, мой пульс учащается, и я хватаю биту, которую мы всегда держим прямо за дверью диспетчерской.

– Зря вы залезли сюда, ребята, – говорю я, двигаясь от перил к корме, откуда хорошо просматривается задняя палуба. – Здесь есть куча вещей, в которых можно запутаться, если не знать, что делаешь.

– Леви?

Я застываю при звуке своего имени, а затем в ужасе отбрасываю биту.

– Прости! – Она приближается, ее лица практически не видно в темноте. – Я не хотела напугать тебя. Я забыла здесь свою сумку, а она нужна мне на смену.

– Черт возьми, Эмми, я чуть не пробил тебе голову. Ты могла бы позвонить.

Она качает головой.

– У меня нет твоего номера. Только Мэтта. Я думала, ты будешь с остальными.

Оглядевшись по сторонам, я не вижу ни камер, ни бригады, ни скрытых микрофонов.

– Я знаю, что они хотят, чтобы все мы были там, но ночь, проведенная дома, показалась мне заманчивее.

– В этом есть смысл. Она улыбается, и я вижу это в темноте.

Я жду, что она уйдет, сойдет на причал и отправится в город вместе с остальными, но вместо этого она задерживается, протягивая руку к перилам рядом с ней.

– Я могу спросить тебя кое о чем?

Я киваю, понимая, что мы по-настоящему одни в первый раз.

– Конечно.

– Что произошло в тот день? – спрашивает она, глядя на меня после того, как произносит это. – Ты сказал, что ... был влюблен в меня, а потом ...

Я останавливаюсь на мгновение, не зная, что сказать.

– Я насторожился, вот и все, – признаюсь я, наконец. – С тех пор, как началось шоу, неожиданно объявилось много людей. Как правило, мне наплевать на них, но когда появилась ты... Я качаю головой. – Я не знал, что думать.

Она делает шаг ближе.

– Я могу это понять. Я чувствую, как ее рука дотронулась до моего предплечья и скользнула выше, и только теперь я понимаю, что не надел рубашку.

– Я понимаю, как трудно бывает доверять людям. – Ее взгляд сфокусирован на моем лице, когда она говорит: – Шоу здесь не причем. Они наводили справки в больнице, и когда я услышала, что это ты ... ну. Наверное, мне не понравилось идея с какой-нибудь сексуальной моделью-медсестрой из Ванкувера. – Она улыбается мне небольшой, виноватой улыбкой. – Мне нужно было взять перерыв на скорой помощи. И ты мне нравишься. Мне всегда нравилась твоя семья.

Я киваю. В моей груди зарождается шторм. Это вызывает во мне бунт; моя кровь вот-вот закипит.

– Ну, – говорю я, изо всех сил пытаюсь дышать, пытаюсь найти слова, – я ...

– Но я, правда, все понимаю, – говорит она, немного тише. – Почему ты так осторожен. Если я и раньше нравилась тебе, ты, вероятно, думаешь, что они используют меня, чтобы заполучить от тебя должную реакцию.

Я смеюсь.

– Я уверен, что они используют тебя, чтобы заполучить эту реакцию.

– Что ж, я хотела, чтобы ты знал, что я в этом не участвую, – говорит она. – В моем появлении не было никакого подтекста. Они искали медсестру, и я согласилась. Я все понимаю, но я не здесь не для того, чтобы играть с тобой.

Я киваю, не зная, что еще сказать. Она так близко ко мне, и это почти больно. Среди всех братьев Робертс, у меня меньше всего опыта с женщинами, но честно говоря, я не слишком удивлен, когда она делает еще один шаг ближе, а затем еще один, и оказывается напротив меня.

Ее руки ложатся мне на грудь – такие холодные от ночного воздуха, возможно, и от нервов тоже, – и затем она тянется, прижимаясь губами к пульсирующей вене на моем горле, и шепчет:

– Я бы хотела, чтобы ты сказал что-нибудь, когда нам было семнадцать.

Голова идет кругом, и это не имеет никакого отношения к движению лодки.

– Что мы делаем? – спрашиваю я, но мои руки сами обнимают ее за талию, располагаясь на красивом изгибе между спиной и попкой, и я прижимаю ее к себе. Черт, это опьяняет. Сколько раз я представлял это? Она теплая и упругая, и я могу ощутить, каково это – притянуть ее к себе, когда рядом нет никого, как сейчас, и сделать все возможное, чтобы ей было хорошо.

– Я не знаю, – признается она, и ее голос дрожит. – Я просто хотела снова тебя увидеть. Но потом ты сказал о том, что я нравилась тебе и, находясь здесь всю неделю ... наблюдая за тем, как ты работаешь ...

Я слежу за ее ртом, глотаю ее слова поцелуем, и он ощущается настолько же хорошо, как я себе и представлял. Она издает звуки, которые пронзают меня, словно искры, взрывающиеся на коже. Я хочу замедлиться, быть мягче и прочувствовать каждое прикосновение, но это непросто, когда она рядом, толкает меня к стене на камбуз, ее руки двигаются вверх и вниз вдоль моего тела.

Ей нравится моя кожа – я знаю, потому что она говорит мне – и ее пальцы скользят по каждому дюйму моего тела, пока ее рот занят моим. Довольно скоро, ее необузданность позволяет мне перейти к более активным действиям, а не просто замороженно смотреть на нее, и я затаскиваю ее на палубу, расстегивая ее маленький свитер, чтобы прикоснуться своими губами к ней, попробовать пульс на ее шее. Я хочу трогать ее своими руками, прикоснуться к сладкому месту между ее ног, чтобы она задыхалась, кусала и умоляла меня.

У меня встает – быстро – но у меня с собой ничего нет.

Я отрываюсь от нее, издавая стоны, потому что она спустила мои штаны до колен и взяла в руку мой член, и было бы так легко сделать то, чего мы оба так хотим.

– Подожди, – говорю я, пытаюсь абстрагироваться от того, насколько хорошо она ощущается на моих пальцах, и насколько лучше будет, когда ... – У тебя есть что-нибудь?

Мы встречаемся взглядом в темноте, и я вижу, как до нее доходит смысл того, что я имею в виду.

– О. – Она сглатывает, ее дыхание прерывистое. – Я не. Я не думала, что ...

Мы смотрим друг на друга, конечно, каждый из нас взвешивает сотни причин, по которым нам не следует делать этого, с единственной, насущной, по которой все же следует. Я хочу ее. Но она не заслуживает сложностей, связанных с таким опрометчивым решением. И независимо от того, насколько хороша она на вкус или запах, и сколько времени мы потратили впустую, мы можем подождать еще один день.

Я поглаживаю ее, пока она не начинает дрожать, пока не начинает умолять, пока не откидывается назад с облегчением, а затем прижимаю ее к себе. Пока она восстанавливает дыхание, я рассказываю о чем-то, что приходит мне в голову – о лодке, рыбе, моей семье, а затем я прошу ее рассказать мне больше о том, как это – жить вдалеке от воды, о гребле. Слышать, как кто-то, кем ты увлечен, говорит, что любит то же, что и ты, но немного по-другому, это как слушать поэзию. Ее голос ровный и спокойный. Немного хриплый. И я чувствую себя на седьмом небе, когда она рядом со мной, прижимается ко мне.

Звуки шагов раздаются откуда-то сверху, из тени, и, когда мы оба застываем и медленно садимся, мы понимаем, что нам не послышалось.

Мое сердце стучит, а тело покрылось гусиной кожей.

– Там кто-то есть.

Шаги затихают, и я слышу, как человек поднимается по лестнице. Я надеюсь на лучший сценарий – что один из моих братьев случайно наткнулся на нас, или кто-то из экипажа просто забыл свой свитер или кружку с кофе, – а не кто-то с камерой, заснявший это на пленку.

Эмми поспешно одевается, но я не могу видеть выражение ее лица в темноте. Знала ли она?

– Здесь была камера? – говорю я, прикладывая палец к ее подбородку и наклоняя ее лицо к своему.

Она смотрит на меня, широко раскрыв глаза.

– Что? Понятия не имею.

Я наклоняюсь в поисках одежды, пока не нахожу свою толстовку.

– Проклятье.

– Леви, я этого не делала.

Я хочу верить ей. Честное слово. Я не хочу, чтобы нас с Эмми превратили в мыльную оперу.

Она поправляет свой свитер, и я не могу поверить, что всего пару мгновений назад она прижималась ко мне, практически обнаженная, рассказывая о воде. За исключением того, что ее губы опухли, волосы растрепаны, и она выглядит чертовски красивой.

– Тебе стоит уйти, – говорю я ей.

Волны накатывают на причал, разбиваясь о корпус лодки, интересно, океан всегда такой громкий, как и сейчас, пока я жду, когда она что-нибудь ответит.

– Да, – наконец, говорит она. – Пожалуй.

Глава 5

Я даже не стал ехать домой. Было гораздо проще убраться с лодки и спуститься вниз, чем просить кого-то помочь мне добраться до моего дома и дотащить меня до входной двери по грязной дороге.

Вообще я не очень пессимистичный парень; во всяком случае, я – единственный, кто говорит Финну и Колтону трезво смотреть на вещи, когда их что-то печалит. Но я также признаю, что отсутствие у меня цинизма доставляет мне массу неприятностей.

Возможно, Эмми ничего не знала, может быть, это и правда. Но, похоже, единственный безопасный способ двигаться дальше – это идти на поправку, работать на лодке, ловить рыбу и оставить любовные драмы своим братьям.

Я уже проснулся к тому времени, когда они возвращаются на борт следующим утром, и я рассказываю им, что произошло.

Финн тихо слушает, а затем отпускает проклятие, когда поднимает глаза и видит, как Мэтт и Джайлс идут к нам на палубу. Они носят одежду, которая, предположительно, должна выглядеть поношенной, но выглядит слишком хорошо и наверняка стоит запредельно. Джайлс поднимается по лестнице в паре замшевых кроссовок. Мэтт одет в белую льняную рубашку.

– Вы двое выглядите нелепо, – говорю я.
Все поворачиваются ко мне. Подобное мог сказать Финн, или, что более вероятно.
– Колтон. В последнее время в меня кто-то вселился.
Мэтт ухмыляется, когда оказывается полностью на палубе.
– Кто-то встал не с той ноги.
– Мне не нравится игра под названием «Эмми», – говорю я ему прямо. – Слишком непонятная.
Он качает головой.
– Мы должны были поговорить с ней об этом, ты знаешь. Как вести себя перед камерой.
– Хорошо, – говорю я, скептически. – Но вчера ночью вы перешли все границы.
– Прошлой ночью? – в замешательстве спрашивает Мэтт.
Джайлс встает на ноги.
– Она согласилась помочь тебе, но нам пришлось ее уговаривать, чтобы заставить появиться в кадре, – говорит Мэтт, хотя мой взгляд сосредоточен на Джайлсе. – И она не взяла денег, если это как-то поможет. Она сказала, что мы можем заплатить ее маме, если нам нужно куда-то деть деньги. Она вроде собирается строить новую веранду, – добавляет он, слегка пожимая плечами.
Я смотрю на него. Финн тоже застыл, наблюдая за Джайлсом.
– Ладно, – говорит Джайлс спокойно, даже, когда на него все глаза. – Да, это я был вчера. Кто-то увидел, как Эмми вернулась на лодку, и я отправил вниз Дейва. Мы, правда, получили неплохие кадры. Ему удалось снять тебя ... ну, после. Мы еще не решили, что будем делать с этим. С точки зрения производства, новые отношения – после свадьбы Финна и череды цыпочек Колтона – были бы кстати для диверсификации наших личных мотивов. Но с твоей точки зрения, чувак? Леви, – говорит он, улыбаясь. – Не облажайся в этот раз.

Я уверен, что они знают, где ее найти, и я недолго думаю и спрашиваю. Если Эмми вернулась в Викторию, это будет полный отстой. Но мне также нравится мысль, что, наблюдая за ней все эти годы, я узнал ее достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что она не уедет из города, не сказав последнего слова.

Получается, Мэтт дал мне подсказку с верандой: строительство уже началось, и здесь ее мама, она раздает указания неловким рабочим, несущим брусчатку для новой дорожки. Я вижу Эмми в окне верхнего этажа, и когда я зову ее, она смотрит на меня. Даже на расстоянии я могу понять, что она настроена чертовски решительно.

Я видел, как она делала такое же выражение лица перед чем-то вроде математического теста или эстафеты на весеннем фестивале в нашей школе. Мое сердце ускоряет бег от волнения и нервов.

Эмми выходит на улицу и направляется ко мне.

– Я занята, – говорит она. – Ты хочешь, чтобы я подыскала тебя новую медсестру?

Я смеюсь.

– С ногой все в порядке. Я пришел поговорить.

– Приходи позже.

– Позже?

Она смотрит, пытаясь скрыть улыбку.

– Мама уйдет. Я буду здесь.

Я смотрю мимо нее на дом, стоящий лицом к воде, громадное серое каменное здание, в котором она выросла. Это правда, по прошествии многих лет он порядком обветшал от

соляных брызг и ветра. Веранда практически обрушилась, окна нужно заменить, но фундамент крепкий. Этот дом простоит, пока Земля не сойдет со своей орбиты.

– Когда ты возвращаешься обратно в Викторию? – спрашиваю я.

– Пока не знаю.

– Тебе не нравится там?

– Мне там нравится, – говорит она, ее челюсть напряжена. – Но здесь мне нравится больше.

– Здесь не так много пациентов, которым нужен уход, – говорю я.

– Пациентов достаточно, но все они невероятно упрямы, – говорит она, – или ведут себя, как малые дети.

Это заставляет меня рассмеяться, и я тянусь к ней, прижимая ее к себе.

– Я знаю, что это не ты подстроила все прошлой ночью.

– Ты знаешь это сейчас, – поправляет она.

– Я всегда признаю, если я не прав, – говорю я ей, целуя ее шею. – Прости меня,

Эмми.

Она дрожит под моими губами, и я чувствую, как ее руки скользят по моим плечам.

– Правда?

– Правда.

Когда той же ночью она открывает мне дверь, я едва не роняю букет цветов, которые сжимал в кулаке. Эмми надела короткое платье и сапожки. Ее волосы распущены, струятся по плечам. Она смотрит на меня так, как будто знает меня, как будто я был тем, к кому она так давно стремилась, кого ждала.

Эмми принимает цветы, благодарит меня поцелуем в щеку. Вчера на лодке мы практически занимались сексом, но сегодня она – сама скромность, ведет меня на кухню, где пахнет кипящим томатным соусом, базиликом и чесночным хлебом из духовки.

– Как прошел твой день? – спрашивает она.

– Хорошо. Спокойно.

Она мычит, кивая, и я смотрю, как она ставит цветы в вазу и относит ее на подоконник.

Эмми поворачивается, направляясь к холодильнику и проводя рукой по моему животу, когда проходит мимо меня. Это такая обыденная интимность, и мое сердце пускается вскачь.

– Хочешь пива? – спрашивает она.

Я смотрю на кухонный островок и вижу, что у нее налит бокал вина.

– Конечно, спасибо.

Крышка шипит, когда она открывает ее с помощью открывалки для бутылок, установленной на холодильнике, и ее пальцы скользят по мне, когда она передает мне бутылку.

Мне жаль, что природа не наделила меня тактом, но вопрос не дает мне покоя, и я не могу больше держать его в себе:

– Мы сделаем это? – спрашиваю я ее.

Она смотрит на меня с легкой улыбкой.

– Сделаем что?

Я не могу подобрать нужного слова.

– Будем встречаться? Прекратим тратить время впустую?

Она качает головой, улыбаясь.

– Я не хочу встречаться.

Мои брови сходятся над переносицей.

– Я не знал.

– Для меня, встречаться, – говорит она, – значит, что-то обыденное. Это значит, что мы просто видимся и с другими людьми в том числе.

Я чувствую себя не в своей тарелке. Но Эмми, похоже, все равно. Я говорю ей:

– Я понятия не имею, что это значит, потому что никогда ни с кем не встречался, но ... пусть все идет своим чередом, Эм. Я бы хотел быть с тобой, если ты согласна.

Она делает шаг назад, а затем еще один, заходя на кухонный островок.

– Тогда да, мы сделаем это, – говорит она.

– Иногда нас могут снимать камеры, – я напоминаю ей, следуя за ней на костылях и ступая между ее ног, когда она обвивает меня своими сапожками, притягивая меня ближе.

– Мы переживем это. Но никаких камер в моей спальне!

Я инстинктивно облизываю губы.

– А я могу проникнуть в твою спальню?

Она смотрит на мой рот, и ее руки опускаются мне на грудь, расстегивая мою рубашку, и она говорит.

– Я думаю, ты можешь проникать куда угодно.

Я чувствую, как вспыхивает мое лицо, когда смысл ее слов доходит до меня.

– Эмми, ты собираешься поцеловать меня своим развратным ротиком, или как?

Ее губы изгибаются в улыбке, прежде чем я накрываю их поцелуем. Она такая мягкая, такая сладкая; поцелуй ее напоминает мне вкус жимолости из детства, когда я высасывал из ягод сладкий нектар. Я вырываю из нее стоны, осознавая, что она в этом крошечном платье, с этой кружевной каймой, и вещи, вроде соуса для пасты, могут просто постоять на плите и немного подождать.

КОНЕЦ